

Аграрный строй России в 1930-1980-е гг.*

Аграрный строй России 1930-1980-х гг. в традиционной историографии трактуется как колхозный, социалистический, представленный однородными по социально-экономической природе секторами, в рамках становления которого крестьянство приобрело новые черты, став колхозным, советским. В 1990-е гг. эта схема подверглась «очернительству», что отнюдь не повысило уровень научного осмысления проблемы. В настоящее время научное сообщество осознает необходимость формирования новых подходов и направлений аграрной историографии, практическая значимость которых определяется невозможностью объяснения в рамках старой схемы произошедших в постсоветское время перемен. Ведь капитализация 1990-х гг., кроме субъективной подоплеки, должна иметь хоть какие-то предпосылки в объективно развивавшихся процессах последних десятилетий. «Социалистическая» же концепция социально-экономического развития деревни советского периода не дает возможности объяснить этот феномен.

Исследования социальных и экономических процессов в советской историографии строились по принципу изучения этапов построения социалистического общества. Такие исследования были выполнены Н.А. Ивницким, М.А. Вылцаном, Ю.В. Арутюняном, И. М. Волковым по аграрной проблематике 1930 – 1950-х гг.. Л.Н. Денисова, А.П. Тюрина исследовали развитие советского села 1960-1980-х гг.¹ Эволюция материальной базы сельскохозяйственного производства была изучена В.П. Даниловым, развитие типов и форм сельхозпроизводства – М.Л. Богденко и И.Е. Зелениным (совхозы), В.Б. Островским (крестьянский двор), производство зерна – Ю.А. Мошковым, процессам электрификации, мелиорации, химизации сельского хозяйства уделялось большое внимание в работах А.П. Тюриной². Итогом историографических достижений советского этапа стала многотомная «История крестьянства СССР», охватывающая период до конца 1950-х гг.³ Выполнялись и региональные обобщающие исследования⁴. В 1990-е гг. и в начале XXI века, кроме пересмотра прежней концептуальной оценки

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 04-01-00411а.

важнейших характеристик аграрного устройства советской страны, историки описали ряд малоизвестных страниц истории репрессий в деревне, голода, исследовали демографические процессы, аграрную политику отдельных правителей, систему сверхэксплуатации крестьян и др.⁵ В этот период произошла трансплантация на почву нашей аграрной истории идей западного крестьяноведения⁶.

Предпосылки переоценки базовых характеристик аграрного устройства России 1930-1980-х гг. складывались постепенно. Еще в конце 1950-х - 1960-х гг. в западной советологии обсуждалась концепция «аграрной колонизации» в СССР, в ходе которой в 1930-1940-е гг. осуществлялась беспрецедентная эксплуатация крестьянства, в то время как советское сельское хозяйство оставалось отсталым, архаичным, полуфеодальным. В то же время эти исследователи обращали внимание на значительные перемены в экономическом строе сельского хозяйства СССР, произошедшие после 1953 г.⁷ Советская историография и, особенно, экономическая наука конца 1950-х - 1960-х гг. отмечали разность процессов и экономических механизмов, действовавших в аграрной подсистеме до 1950-х гг., и в так называемый «послесталинский» период. Фактически о господстве базовых элементов аграрного общества к концу 1920-х гг. писал В.П. Данилов⁸. В книге В.Б. Островского были приведены сведения об изменениях в материально-технической базе колхозов, росте профессиональной специализации в деревне, комментировались изменения в быту и духовном облике колхозного крестьянства⁹. В работах экономистов обращалось внимание на медленный процесс накопления в колхозах, натуральность отношений на селе 1930-начала 1950-х гг., сохранение в этот период большой роли ЛПХ в аграрной экономике¹⁰. Традиционность отношений крестьянства с властью в первой половине XX века подчеркивали М. Левин, Ш. Фитцпатрик и другие историки¹¹. Крупные социальные перемены в деревне 1960-1970-х гг. зафиксировала художественная литература, деревенская проза.

Новые задачи исследования аграрной подсистемы России 1930-1980-х гг. потребовали нового инструментария. Прежде всего, потребовалось рассматривать все процессы в широком хронологическом разрезе. Появилась необходимость вовлечь в научный оборот документы, дающие представление о сложных экономических процессах - народнохозяйственные и колхозные

балансы, бюджетную статистику и т.д. Важной задачей являлось использование в исследовании классических историографических подходов, в том числе и советской историографии, применяемых для описания периодов истории менее подверженных идеологической ортодоксальности. На наш взгляд, ключевое значение для историографического продвижения имеет реанимация понятия «капитализация» и рассмотрение процессов под этим углом зрения. Термин *капитализация* аграрного производства в России был введен в научный оборот экономистами рубежа 19-20 вв. По их мнению, этот процесс означал «подчинение отрасли хозяйства капиталу», складывание «хозяйственного строя, при котором господствующее положение в хозяйстве занимает капитал, как средство, доставляющее владельцу не основанный на личном труде доход»¹². Советская историография, используя сложившиеся в 1910-1920-е гг. подходы, трактовала «капитал» в крестьянском хозяйстве как совокупность средств производства, представленную «мертвым» и «живым» инвентарем (рабочим и продуктивным скотом), постройками¹³. О становлении до революции капитализированного хозяйства в деревне прямо с этой формулировкой в 1924 г. было издано исследование Шестакова¹⁴. В конце концов, сама практика социалистического сельского хозяйства подталкивает исследователей к мысли о необходимости реанимации этого термина: в частности до начала 1930-х гг. повсеместно в статистике учитывалось соотношение таких факторов аграрного производства как капитал и живой труд, весь советский период продолжал бытовать термин «капиталовложения» и т.д. Говоря об *аграрной капитализации* и более громко – об аграрном капитализме, – мы, конечно, будем иметь в виду не те идеологические «ужасы», которые понимались под этим явлением в советской пропаганде, а вполне естественный для экономики процесс радикального переустройства аграрного производства, при котором «овеществленный» труд (капитал) становится решающим фактором экономики. В капитализировавшемся аграрном производстве капитал приобретает способность «поглощать» другие факторы производства; в себестоимости аграрного продукта основное место начинает занимать промышленная составляющая; товаризация охватывает средства производства, рабочие руки, продукт труда; разрушается замкнутость хозяйственного уклада; снижается роль природных факторов в аграрном секторе. Капитализация по сути своей является главной экономической характеристикой процесса индустриальной

модернизации, ибо связана с переворотом всей «старой» экономической системы и, в конце концов, приводит к новым социальным отношениям.

В противовес капитализированному, индустриальному обществу, *аграрное (традиционное) общество* характеризуется высоким удельным весом сельского хозяйства в экономике; сельского населения, крестьянства в структуре общества; примитивной ручной техникой, господством «живого» труда; преобладанием «натуральности» воспроизводства рабочей силы и средств труда, а также отношений в обществе в целом. Исследователи обращают внимание на такие важные черты аграрного общества как соединение политической власти и собственности на землю, роль традиции в качестве системообразующего элемента социокультурной жизни, стремление к «замкнутости», «закрытости» по отношению к внешним влияниям. Особенность аграрного общества заключается в существовании предела экономического роста, связанного с недостатком накопления овеществленного труда¹⁵. По нашему мнению так называемое «социалистическое» переустройство сельского хозяйства точнее было бы рассматривать как выход из аграрного общества. Близость России 1930-1950-х гг. к аграрному обществу подтверждается и сохранением «полуфеодальной» терминологии в практике сельскохозяйственной и партийно-государственной деятельности, где шла речь о «недоимках», «повинностях», «отработках», «земельных отрезках», «разбазариваниях», «кумовстве» и т.д.

Анализ социальных процессов трансформации аграрной подсистемы требует использования таких терминов как раскрестьянивание, пролетаризация, формирование протобуржуазии. *Раскрестьянивание* – радикальное сокращение доли крестьян в социальной структуре общества, процесс отрыва основной массы населения от сельскохозяйственной деятельности, утрата крестьянством хозяйственной самостоятельности, возможностей социального воспроизводства, социальная дифференциация аграрного общества – пролетаризация большей части его членов и формирование протобуржуазии. Говоря о раскрестьянивании, В. П. Данилов отмечал, что оно происходит в процессе товаризации производства, когда крестьянское хозяйство включается в товарно-капиталистическую систему общественных отношений и связей, сменивших отношения и связи докапиталистические – натуральные. По его мнению, товаризация всего воспроизводственного процесса вела к утрате

мелким хозяйством крестьянского облика в результате его превращения в крупное, капиталистическое или в результате его пролетаризации и исчезновения¹⁶. Мы предлагаем логически дополнить это рассуждение В.П. Данилова характеристиками тех явлений, которые шли этому крестьянскому обществу на смену – пролетаризации и формирования протобуржуазии. Под *пролетаризацией* мы понимаем постепенный процесс утраты крестьянством самостоятельного статуса, обезземеливания и лишения собственных средств производства, сокращения роли хозяйства двора в структуре совокупного бюджета крестьянской семьи. В ходе пролетаризации идет социальное перерождение крестьянства, потеря им «профессионального» универсализма и формирование групп профессиональной специализации, отход от довлеющей роли традиций в практиках повседневности, изменение прежней роли пассивного объекта политики. Глобальный результат раскрестьянивания и пролетаризации – размыкание социальных границ крестьянского мира, интеграция замкнутого ранее социума в мировую экономическую и культурную систему. Объективной задачей аграрной модернизации являлось создание социального слоя, занимающего «привилегированное» положение в распределении аграрного продукта, распоряжении средствами производства. Формирование *протобуржуазии* связано с выходом общества из аграрного состояния. В России попытки становления буржуазной прослойки в сельском хозяйстве в ходе реформ XIX-начала XX вв. шли весьма медленно. Становление протобуржуазных тенденций, как ведущего фактора социальной эволюции деревни, происходит в 1930-1950-е гг., сам этот процесс активно развивается в 1970-1980-е гг. внутри социального слоя управленцев, постепенно концентрировавших возможности распределения аграрного продукта и регулирования общественного производства, специалистов, элиты сельскохозяйственных рабочих (квалифицированных рабочих, механизаторов), осуществивших, наряду с управленцами, скрытую «приватизацию» средств производства и выстраивающих на этой базе новый механизм эксплуатации деревни.

Важно реанимировать еще один подход, применявшийся советской историографией в изучении дореволюционного периода: вернуться к характеристике деревенских укладов. С нашей точки зрения колхозы, совхозы, колхозные дворы были не секторами однородного социалистического сельского

хозяйства, а разными по происхождению и перспективам эволюции социально-экономическими укладами. В 1930-1980-е гг. сохранявшийся в рамках «колхозного» крестьянский уклад претерпевал постепенную эволюцию, но, в то же время, внедрение «совхозного» уклада означало форсированное формирование «индустриального» образа хозяйствования, а затем и жизненного стиля.

К выводу о необходимости нового концептуального осмысления аграрного строя России 1930-1980-х гг. привели авторов и собственные исследования. Еще на рубеже 1970-1980-х гг. был сделан вывод о постепенной унификации социального статуса колхозников и совхозных рабочих¹⁷. В конце 1980-1990-х гг. один из авторов данной статьи установил, что старокрестьянский уклад в виде двора (а не ЛПХ) длительное время и в рамках колхозной системы выполнял важнейшие экономические функции, а для самих крестьян до 1960-х гг. являлся основным фактором жизнеобеспечения. На Всероссийской конференции 1992 г. в Вологде был сформулирован подход в трактовке раскрестьянивания. На сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы 2000 г. в нашем докладе этот вывод был дополнен характеристикой пролетаризации, с одной стороны, и подспудным вызреванием протобуржуазии в колхозной среде, с другой. Во второй половине 1990-х гг. в Вологде и, отчасти, в Новосибирске стало культивироваться изучение системы экономических отношений в колхозной деревне как отношений повинностного типа, характерных для аграрного общества¹⁸. Также было начато изучение социально-политической и духовной составляющих раскрестьянивания: постепенного угасания традиционного крестьянского менталитета, способов взаимодействия с властью, разрушения так называемого «клада» крестьянской жизни¹⁹. В 2002, 2004 гг. на очередных сессиях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы авторы данной статьи изложили подходы к изучению эволюции земельных отношений, динамики капитализации в разных сельских укладах, товаризации продукции, рабочих рук, средств производства в аграрной сфере, радикальных перемен в деревенской инфраструктуре.²⁰

Проделанная работа, на наш взгляд, позволяет обобщить имеющиеся данные и предложить читателям контурное видение новой концепции аграрного развития России 1930-1980-х гг.

От аграрного общества к капитализированной аграрной экономике

Аграрный характер экономики страны 1920-х - начала 1930-х гг. признавался крупнейшими политическими деятелями того времени. Важнейшими показателями в этом случае служили данные об удельном весе сельского хозяйства в формировании национального дохода и валового продукта. В 1930 г. в политическом отчете ЦК ВКП (б) XVI съезду партии И. В. Сталин привел сведения, что в 1928/29 году доля сельского хозяйства в валовой продукции всего народного хозяйства СССР составляла 51%, доля промышленности - 49%²¹. В 1934 г. в отчетном докладе ЦК XVII съезду ВКП (б) И. В. Сталин свидетельствовал, что удельный вес сельского хозяйства в валовой продукции СССР составлял в 1930 г. - 38%, в 1931 г. - 33%, в 1932 г. - 29%, в 1933 г. - 30%²². По данным официальной статистики только в 1930-е гг. в структуре валовой продукции страны произошел структурный сдвиг в сторону индустриальной составляющей. Данные балансов народного хозяйства, подготовленных ЦСУ, показывают, что в СССР в 1935 г. валовая продукция промышленности составляла 44% валовой продукции народного хозяйства, а сельского хозяйства - 15%; в 1940 г. - доля промышленности была равна 58%, сельского хозяйства - 26% всей валовой продукции СССР²³. Позже, рассматривая обнародованные органами государственной статистики показатели структуры национального (валового) дохода, многие экономисты отмечали, что к этим данным нужно подходить с осторожностью, так как показатели валового дохода, создаваемого в сельском хозяйстве, как правило, исчислялись в ценах реализации соответствующих лет, которые, как известно, были до 1953 г. беспрецедентно низкими²⁴. Доля сельского хозяйства в национальном доходе СССР по официальным данным также сокращалась. В 1928 г. она составляла 39% национального дохода страны (доля промышленности - 29%), в 1930 г. - 30% (доля промышленности - 36%). В 1940 г. национальный доход формировался за счет сельского хозяйства на 29% (за счет промышленности - 51%), в 1960 г. - на 21% (за счет промышленности - 53%), в 1970 г. - на 22% (за счет промышленности - 51%)²⁵. Таким образом, превращение экономики страны из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную в первой половине 1930-х гг. уже свершившийся факт.

Вместе с тем в сельской подсистеме в конце 1920-х гг. важнейшие конструкции аграрного общества сохранялись в достаточно устойчивом виде. По данным переписи населения 1926 г. 83% населения России проживали в деревне и почти целиком были заняты сельским хозяйством как постоянным и главным источником средств существования. К началу коллективизации в России существовало 17 млн. крестьянских дворов, в которых проживали 88,6 млн. душ. Полномасштабные исследования советской доколхозной деревни, выполненные В.П. Даниловым, показали, что мелкое крестьянское хозяйство того времени почти полностью базировалось на применении ручного труда членов семьи, живой тягловой силы и примитивной техники - сохи и плуга. Традиционная структура производительных сил и возможность их воспроизводства внутри крестьянского двора поддерживала натурально-потребительский характер крестьянского хозяйства, его автаркизм²⁶.

Один из исходных моментов характеристики процесса капитализации – изменение количества капитала, сосредоточенного в сельском хозяйстве, особенно того, что работает непосредственно в производстве. Подсчеты стоимостных объемов так называемых основных производственных фондов в сельском хозяйстве показывают, что количество аграрного капитала с конца 1920-х гг. до начала 1950-х гг. увеличивалось очень медленно (в сопоставимых ценах в 1928 г. в СССР - 18 млрд. руб., в 1940 г. и 1950 г. – 21 млрд. руб.). Значительное нарастание массы капитала в сельском хозяйстве начинается в 1950-е гг. В 1960 г. основные производственные фонды сельского хозяйства удвоились в стоимостных показателях по сравнению с 1940-1950 гг. (до 45 млрд. руб. в сопоставимых ценах), в 1970 г. возросли по сравнению с 1940-1950 г. более чем в 4 раза (до 90 млрд. руб. в сопоставимых ценах)²⁷. На эти процессы обращали внимание многие советские экономисты²⁸, не заостряя, впрочем, внимания на качественных изменениях, новых отношениях в аграрной подсистеме общества, вызванных процессами накопления капитала.

Важнейший вопрос, характеризующий капитализацию аграрной экономики России в колхозное время, – динамика капиталовложений государства и колхозов в сельское хозяйство, ибо, по сути дела, речь идет об источниках капитализации сельского хозяйства. За период с 1938 г. по 1960 г. доля государства в формировании аграрного капитала была значительно меньшей, чем колхозов: в 1938-нач. 1941 г. – 38%, в период Великой

Отечественной войны – 15%, в 1946 – 1950 г. – 41%, в 1951-1955 г. – 50%, в 1956-1960 г. – 46%. Лишь в начале создания колхозного строя, когда необходимо было обеспечить перелом в соотношении укладов, и после завершения промышленной индустриализации, что, на наш взгляд, относится к 1950-м гг., доля государственных капвложений в сельское хозяйство превышала колхозные (в 1929- 1932 г. она составляла 79%, в 1933-1937 гг. – 60%, в 1961-1970 гг. – 57%, в 1970-1975 гг. – 67% всех капиталовложений)²⁹. Полномасштабное исследование места неаграрного капитала в сельской экономике колхозного периода еще предстоит сделать, однако, тенденция возрастания его роли налицо. Данные балансовой части сводных годовых отчетов колхозов РСФСР позволяют рассчитать, что доля «заемных» капиталов (непогашенных банковских кредитов, задолженности колхозов разным лицам и учреждениям) в наличных средствах колхозов была равна в 1935 г. - 18%, в 1945 г. - 14%, в 1950 г. – 23% от всех средств, в 1955 г. составляла 31%, в 1960 г. – 24% средств колхоза. В начале 1980-х гг. она равнялась 40% всех средств, находящихся в распоряжении колхозов РСФСР³⁰.

Показательно в свете исследования особенностей капитализации российской деревни и участие в ней ссудного капитала. Регулярное нарастание долгосрочных кредитов колхозам СССР в опубликованной статистике фиксируется в течение всего изучаемого периода: 1940 г. – 89 млн. руб., 1950 г. – 302 млн. руб., 1960 г. – 621 млн. руб., 1965 г. – 1422 млн. руб., 1966 г. – 1619 млн. руб. Резкое увеличение краткосрочного кредитования колхозов происходит в момент перехода капитализации в зрелую стадию: если в 1940 г. Госбанк СССР выделил колхозам, межколхозным предприятиям и организациям 30 млн. руб., в 1950 г. – 134 млн. руб., то в 1960 г. – 1772 млн. руб., в 1965 г. – 1472 млн. руб., в 1966 г. – 1915 млн. руб.³¹ При всей ограниченной возможности сравнения вышеназванных форм кредитования колхозов нельзя не обратить внимание на то, что переход в стадию развитого «аграрного капитализма» означал в экономическом плане не только радикализацию вторжения капитала в создание адекватных неаграрному обществу производительных сил, но и возрастание его функциональной значимости в оживлении производственных фондов. За 1930-1980-е гг. вся система кредитования сельского хозяйства изменялась параллельно стадиям становления нового аграрного устройства. Заторможенность капитализации

первого колхозного десятилетия, а во многом и 1950-х гг. была связана, с одной стороны, с ограниченными ресурсами кредитования колхозов государством, с другой стороны, с неготовностью колхозов принять кредиты для обеспечения переустройства экономического механизма. В 1960-е гг. происходят изменения в порядке кредитования колхозов, которые начинают переводиться на прямое банковское кредитование в соответствии с Постановлением СМ СССР от 17 декабря 1965 г.³² С 1965 г. колхозам было разрешено производить оплату труда колхозников за счет долгосрочных ссуд. В 1960-е гг. ослабевает государственная регламентация использования ссуд, увеличиваются сроки предоставления кредита, снижается процент за его использование.

О *качественном* изменении роли капитала (капитализации) говорит степень охвата сельского хозяйства формами товарного производства, расширение рыночного сегмента аграрной подсистемы. До II половины 1950-х гг. движение аграрного продукта, средств труда, рабочих рук осуществлялось, в основном, вне классических рыночных механизмов, хотя «вынужденная» товарность нарастала. Основное место в этом процессе занимали натуроплата за работы МТС, обязательные поставки сельхозпродукции государству. В так называемой «товарной» продукции зерноводства колхозов РСФСР (отчуждении продукции у сельхозпроизводителя независимо от механизмов изъятия) в 1937 г. 37% занимали обязательные поставки, 48% натуроплата МТС; в 1945 г. обязательные поставки возросли до 57%, натуроплата МТС составляла 32%; в 1954 г. через обязательные поставки ушло 24% отчужденного у российских колхозов зерна, через натуроплату МТС – 49%. Таким образом до середины 1950-х гг. 70-80% важнейшего аграрного продукта – зерна - изымалось вне «классических» рыночных механизмов³³. Схожи были механизмы изъятия и другой аграрной продукции, уровень товарности которой в 1940-1950-е гг. составлял – по овощам до 70%, по молоку – более 70%, яйцам – более 80%, овечьей шерсти – более 90%. Такой порядок отчуждения продуктов попадает под признаки своеобразной формы «феодальной» ренты. При этом затраты колхозам на производство продукции, например, в 1950 г. возмещались государством лишь на 30-50%³⁴. Выплаты от колхоза в 1930-1950-е гг., даже осуществляемые в денежной форме, также не являлись полномасштабным элементом товаризации рабочей силы. Денежная оплата труда в этом случае

выступала как специфическая черта преобладавших внеэкономических методов эксплуатации. А натуральная часть лишь по форме отличалась от нее, а, по сути, являлась методом трудовой мобилизации, достаточно типичным для аграрного общества. Колхозники получали оплату за труд не по фиксированным тарифным ставкам (как, например, рабочие совхозов), а по результатам хозяйственной деятельности сельхозартели. При этом распределение доходов между колхозниками, согласно Примерному Уставу сельхозартели 1935 г., производилось по остаточному принципу после выполнения обязательств перед МТС, засыпки семян на посев, фураж и т.д. Часто труд не оплачивался вовсе. В то же время нельзя отрицать в аграрной экономике 1930-начала 1950-х гг. существования продуктового товарооборота и сегментарных явлений, приближающихся к рыночным характеристикам движения компонентов сельхозпроизводства – контрактации, заработной платы механизаторов, авансирования, существования найма рабочей силы в колхозах. Судя по статистике распределения денежных доходов российских колхозов в 1940-1950-е гг. на оплату труда наемных рабочих расходовалось около 1% денежных доходов³⁵.

Экспансия капитала в аграрный сектор во второй половине 1950-х-1980-е гг. не принесла крупных изменений в долю отчуждаемого продукта, но коренным образом изменила феномен товарности. С 1958 г. вместе с реорганизацией МТС, отменой обязательных поставок, а затем введением заработной платы колхозникам идет становление аграрного рынка на продукты сельского хозяйства, средства труда, рабочие руки. В 1960-1980-е гг. закупочные цены аграрной продукции постепенно сближались с себестоимостью ее производства. Рабочая сила колхозников, вместе с «освобождением» крестьян (в 1974 г. была принята новая паспортная система), превращается в товар. Оплата труда колхозников становится заработной платой: она перестает быть связанной с итогами работы за определенный период, вводятся гарантированность выплат (1966 г.), ежемесячность расчетов с колхозниками на уровне соответствующих категорий рабочих совхозов, постепенно происходит процесс ее монетаризации. Если в 1953 г. доля денежных поступлений в семью российского колхозника составляла 21% от общего объема натуральных и денежных выплат, производимых колхозом, то в 1960 г. она равнялась 62%, а в 1970 г. – 95% поступлений от колхоза³⁶. В

российском сельском хозяйстве увеличивается использование рабочей силы по найму. В 1970 г. колхозы и совхозы РСФСР использовали 180 тыс. среднегодовых работников «со стороны», в 1975 г. – 319 тыс., а в 1980 г. – 469 тыс. человек³⁷. Одновременно увеличивается доля денежных расходов на оплату наемного труда: в 1975 г. в РСФСР она составляет 14% валового дохода колхоза, а в 1980 г. достигает 44% денежного дохода колхозов³⁸. Колхозы полностью включаются в систему купли-продажи рабочей силы, сельскохозяйственной продукции, а также средств труда.

Проанализировать последнее из названных явлений возможно исходя из показателей материальных производственных затрат в сельском хозяйстве. Ежегодно представляемые в органы статистики сведения по колхозам, совхозам, хозяйствам населения учитывали стоимость сельхозпродуктов (семян, кормов и др.) и промпродуктов (минеральных удобрений, горюче-смазочных материалов, другого топлива, медикаментов и ядохимикатов, покупных кормов, расходов на текущий ремонт и т.д.), а также амортизацию основных средств производства. Расчет соотношения в материальных затратах колхозов долей аграрного и неаграрного (промышленного) капитала показывает, что в 1930 г. сельское хозяйство колхозов СССР на 81% основывалось на средствах производства внутриотраслевого (сельскохозяйственного) происхождения. В последующие годы доля произведенных внутри сельского хозяйства средств производства в материальных затратах постепенно снижалась, хотя и оставалась значительной (в 1940 г. в колхозах СССР – 75%, в 1950 г. – 72%, в 1960 г. – в колхозах РСФСР – 63%, в 1970 г. – 54%). Кардинальные изменения в уровне товаризации средств производства колхозов происходят в первой половине 1970-х гг. В 1975 г. в колхозах РСФСР доля «промышленных» средств производства в материальных затратах достигла 55%, а в первой половине 1980-х гг. составила 70% всех производственных затрат³⁹.

Постепенно в товарные отношения вовлекалась и земля⁴⁰. С конца 1950-х гг. формируются более «свободные» поземельные отношения. Земля освобождается от тягловых обязательств (с 1958 г. были отменены обязательные поставки сельхозпродуктов государству колхозами, колхозными дворами, хозяйствами рабочих и служащих, а также натуроплата за работы МТС), разрушалась принудительность землепользования, когда поземельное «тягло» рассматривалось государством в качестве незыблемой основы

аграрного устройства общества. «Освобождение» земли от тягловых обязательств, связанных с ее держанием, увеличило возможность вложений капитала в землю, которые в 1960-1970-е гг. практически полностью переводятся с кредитных механизмов на принципы прямых государственных вложений⁴¹. Все оформляющиеся вокруг земли товарно-денежные отношения неминуемо вели к тому, что земля, втягиваясь в них, сама приобретала характеристики товара. Не случайно в конце 1960-х – начале 1970-х гг. советские экономисты обосновывали мнение о необходимости стоимостной, денежной оценки земель⁴². По сути дела, теперь до постановки вопроса об открытом обороте земли оставался буквально один шаг. Тем более что в советском обществе всегда существовали «ниши» скрытой и даже открытой товаризации земли. Сделать такой вывод позволяют материалы документов правоохранительных органов о «грубых нарушениях принципов социалистического землепользования». Покупка, продажа приусадебных участков, сенокосов, сдача их внаем «исполну» являлись в жизни сельчан весьма обычными сделками. Подобные «земельные сделки» с середины 1970-х гг. стимулировались горожанами, получившими разрешение покупать дома в деревне, что подразумевало и «продажу» приусадебного участка⁴³.

Другой фактор, свидетельствующий о капитализации и перерождении аграрного общества – изменение структуры себестоимости аграрного продукта. Когда роль такого экономического фактора как капитал становится ведущей, а доля «живого» труда в себестоимости продукта кардинально сокращается, можно считать, что грань, отделяющая аграрное общество от капитализированного пройдена. Вопрос об «издержках производства», как это тогда называлось, фигурировал широко еще в конце XIX в. Обзор и анализ дореволюционных работ по себестоимости сельхозпродукции сделал академик Струмилин в известной статье «Издержки производства хлебов в Царской России» (1926 г.)⁴⁴. Этот опыт был использован советской статистикой. В 1928 г. было начато определение себестоимости производства сельхозпродукции в колхозах. В 1931 г. в статистических сведениях еще приводилась структура издержек производства в совхозах, колхозах, крестьянских хозяйствах⁴⁵. Однако с 1932 г. вопрос о себестоимости в колхозах сошел со страниц печати (в сборниках ЦСУ сведения давались лишь по совхозам). Экономисты 1960-х гг. считали, что на это повлияло повсеместное введение трудодня, натуроплаты на

работы МТС, и, следовательно, натурализация производственных отношений. Вопрос о себестоимости в колхозах в административном порядке был снят с повестки дня. Указывалось, что расценка труда в рублях чрезвычайно вредна, так как порождает потребительские настроения и т.д. Так Н.А. Вознесенский в начале 1930-х гг. писал, что «издержки производства» в колхозах должны исчисляться непосредственно в рабочем времени – трудоднях⁴⁶. В 1930-1950-е гг. даже высказывалось мнение, что для колхозов характерны только натуральные отношения, что «колхозное производство является особым типом хозяйства», а себестоимость в колхозах просто равна материальным затратам⁴⁷. Вновь вопросы себестоимости в колхозах стали изучаться после 1953 г. Начало их обсуждению положил В. Венжер в 1955 г.⁴⁸ С 1958 г. в годовых отчетах колхозов начали приводиться данные о себестоимости продукции, исходящие из оценок оплаты живого труда колхозников по нормам рабочих совхозов. Практика учета себестоимости колхозной продукции окончательно сложилась в 1963 – 1964 гг. В годовых отчетах колхозов за 1962 г. впервые при расчете себестоимости продукции использовался учет фактической оплаты труда в колхозах.

Историки практически не обращались к изучению вопросов соотношения «живого» труда и капитала в структуре себестоимости сельхозпродукции. Исключение составляют работы В.П. Данилова. Анализируя производство в советской доколхозной деревне, он обратил внимание на то, что структура издержек производства дает суммарную характеристику производительных сил с точки зрения места и роли их отдельных элементов. В этой структуре, по его мнению, фиксируется соотношение факторов создания продукта, стоимость которых переносится на этот продукт. По расчетам В.П. Данилова удельный вес стоимости рабочей силы («живого» труда) в общей себестоимости продуктов крестьянского хозяйства в 1925 г. (в среднем по стране), составлял по зерновым – около 60%, по картофелю – 57, по льну – 75%. Он пришел к выводу о том, что затраты живого труда намного превышали затраты капитала⁴⁹.

Для колхозного периода расчет соотношения затрат живого труда и капитала имеет свою специфику. Соотношение материальных издержек может быть сопоставимо лишь с затратами на оплату труда и поэтому имеет смысл только с того момента, когда затраты на эту оплату стали исчисляться на уровне расценок работников совхозов. Судя по расчетам структуры себестоимости

колхозов РСФСР, сделанным ВНИЭСХ по материалам сводных годовых отчетов колхозов за 1953-1956 гг., затраты на оплату труда от 50 до 75% в общей себестоимости сельхозпродукции в это время занимали в производстве овощей и кормовых культур, льна. В пределах 40-45% затраты на оплату труда были в производстве молока и 35-40% - в производстве зерна, картофеля, мяса⁵⁰. В 1958 г. и 1960 г. расходы на оплату труда («затраты всего труда») в структуре себестоимости производства сельхозпродукции в колхозах РСФСР составляли по зерну 46 и 45% соответственно, по картофелю 41 и 45%, по молоку 47 и 47%, привесу КРС 44 и 39% и лишь в производстве овощей превышали 60% за оба года⁵¹. По расчетам отдела аграрных проблем Института экономики АН СССР удельный вес материальных затрат во всех производственных затратах колхозов РСФСР в 1964 г. составлял 52%, в 1965 г. – 57%⁵²; при этом следует иметь ввиду, что к этому времени оплата труда существенно возросла по сравнению со второй половиной 1950-х гг. Несмотря на то, что оплата труда и в дальнейшем росла, причем значительно более высокими темпами, чем в предшествующий период, удельный вес ее в структуре себестоимости сельхозпродукции постоянно и неуклонно сокращался: до 30% во второй половине 1960-х гг., 25% в 1975 г. и до 19% в 1980 гг.⁵³ Иными словами колхозы из генетически близких по структуре элементов производительных сил к экономике аграрного общества превращаются во вполне капитализированную хозяйственную структуру.

Таким образом, в 1930-1980-е гг. достаточно типичное аграрное общество России трансформируется в специфический российский аграрный капитализм. Гранью окончательного ухода аграрного общества и становления капитализированного становятся 1950-1960-е гг., когда начинается кардинальное нарастание массы капитала в сельском хозяйстве, увеличивается роль государства в этом процессе, капитал превращается в главный фактор производства, завершается товаризация продукции, рабочих рук, средств производства. И все же рассмотрение процессов выхода из аграрного состояния общества будет неполным без исследования специфики капитализации разных хозяйственных укладов.

Место сельских хозяйственных укладов в переходе к капитализированной аграрной экономике

Существование различных укладов в экономике страны в первой трети XX века не вызывало сомнений у политического руководства. В 1918 г. В.И. Ленин выделял пять общественно-экономических укладов, в начале 1930-х гг. И.В. Сталин говорил о сохранении двух укладов в экономике страны⁵⁴. В 1930-е гг. сложилась концепция существования единого однородного социалистического сектора в народном хозяйстве. С 1933 г. советская государственная статистика стала включать в итог по социалистическому сектору народного хозяйства ЛПХ колхозников, с 1935 г. - рабочих и служащих⁵⁵. Тем не менее, у советских экономистов существовало сомнение в правомерности такого подхода. В ходе дискуссии о природе ЛПХ в 1960-е гг. ряд авторов ставили под сомнение его социалистический характер, либо отрицали его. Г.Г. Котов, например, писал, что «наличие ЛПХ указывает на то, что процесс обобществления в сельском хозяйстве не завершен... и социалистическая форма хозяйства не стала единственной»⁵⁶. Некоторые экономисты говорили и о «переходном характере колхозной формы производства». Указывая на остатки старого, мелкокрестьянского способа производства в коллективных хозяйствах начального периода, В.П. Шкредов отмечал, что колхозно-кооперативная собственность в течение известного времени оставалась формой выражения переходных производственных отношений⁵⁷. Эти рассуждения подтверждают необходимость анализировать развитие аграрного строя России 1930-1980-х гг. именно как совокупности разных хозяйственных укладов: государственно-капиталистического уклада, представленного, прежде всего совхозами и МТС, колхозного, выполнявшего главную функцию в рамках первоначального накопления, и старокрестьянского уклада.

Капитал локализовался, прежде всего, в структурах, имеющих товарную направленность производства. Наиболее массивно процесс капитализации развивался в совхозном укладе, являвшемся форпостом этого процесса, его своеобразной экспериментальной базой. Этот уклад сформировался за счет крупных государственных вложений капитала и сосредотачивал в 1935 г. 23% основных производственных фондов сельского хозяйства в стоимостных

показателях, в 1960 г. – 32%. При этом государственные хозяйства давали перед войной 10%, а в 1960 г. – 21% валовой продукции сельского хозяйства РСФСР⁵⁸. Государственно-капитализированный уклад становится господствующим в сельском хозяйстве в конце 1960-х – начале 1970-х гг. В 1975 г. он сосредотачивает около половины стоимости основных производственных фондов сельского хозяйства, производя более 40% сельхозпродукции⁵⁹. Роль капитала в совхозном производстве ярко видна при анализе его доли в структуре себестоимости продукции в совхозах. Уже в середине 1930-х гг. в совхозах СССР доля «живого» труда в себестоимости зерновых не превышала 13-14%, продукции животноводства – трети всех затрат⁶⁰.

Оригинальной формой переустройства аграрной общественной подсистемы, способом капитализации аграрного производства и важнейшим механизмом первоначального накопления в сельском хозяйстве России явились колхозы. Особенностью капитализации через колхозный механизм в российской деревне стало то, что она происходила посредством крупномасштабного использования архаичных, «феодалных» по сути, государственных по форме механизмов первоначального накопления, связанных, прежде всего, с насильственным отделением работника от средств производства, сгоном крестьян с земли. Связанный с этим неизбежный момент - архаизация государственного строя. В 1930-х - начале 1950-х гг. вновь был востребован жесткий политический режим, только и способный какое-то время удерживать на плаву «феодалную» реставрацию, под которой мы понимаем не восстановление «средневекового» устройства во всем его многообразии, а временное использование механизмов аграрного общества в других исторических условиях.

Колхозный уклад был сформирован в начале 1930-х гг. на базе сложения потенциала индивидуальных крестьянских хозяйств. В 1930 г. средства производства колхозов практически не отличались от тех, которыми пользовался крестьянин, ведя традиционное семейное производство: 81% колхозов РСФСР работали только на живой «двигательной» силе, 56% в структуре основных средств производства (в стоимостном выражении) занимал рабочий и продуктивный скот, 19% сельхозинвентарь, 12% транспортные средства⁶¹. Самыми распространенными в колхозах орудиями труда и в 1930-е гг. оставались конные плуги и конные сеялки. Но началась и механизация, в

основном тракторизация, охватившая небольшой круг сельхозопераций, преимущественно пахоту и сев зерновых. Особенностью внедрения государственно-организованного капитала в аграрную подсистему стало его сосредоточение «вне» колхозов, через МТС – уникальный советский способ организации процесса производства на селе. До конца 1950-х – начала 1960-х гг. процесс накопления капитала в колхозном укладе происходил крайне медленно. В первой половине 1930-х гг. произошло даже сокращение капиталов, накопленных крестьянским укладом к 1928 г. (в СССР в 1935 г. примерно на 25%, если суммировать то, что находилось в этот период в основных фондах колхозов, единоличных хозяйств и приусадебных хозяйств колхозников)⁶². Доля основных фондов колхозов во всех основных фондах сельского хозяйства СССР в 1940 г. составляла 33%⁶³. В этом укладе производилось в РСФСР в 1941 г. 70%, в 1950 г. – 64% валовой продукции сельского хозяйства⁶⁴. Исходно низкое обеспечение колхозов основным экономическим ресурсом, отсутствие внутренних возможностей накопления и внешнего притока капитала в 1930-е – начале 1950-х гг. консервировали характер аграрного строя страны в рамках традиционного общества. Колхозы этого времени вряд ли следует рассматривать как явление, выходящее за рамки аграрного общества (пусть и в «государственно-феодальной» форме). По организационно-экономическому устройству они были намного ближе к «феодальным» владениям, управляемым назначенцами государства, чем к предпринимательским хозяйствам в аграрной сфере. Не случайно И.В. Сталин в период подготовки Устава сельхозартели 1935 г., поясняя, что такое колхозы, сравнивал их с «экономией, помещичьим имением»⁶⁵.

При всей принципиальной общности первого колхозного десятилетия (господства в деревне типичных устоев аграрного общества и «феодальных» пережитков) период 1930-х гг. и период 1940-х – начала 1950-х гг. существенно различаются. До установления обязательности выработки определенного количества трудодней, установления погектарных норм обложения, коллективизации подавляющей части дворов, вряд ли можно считать колхозную систему полностью сформировавшейся. 1940-е - начало 1950-х гг., кроме экстремальности ситуации, характеризуются пиком внеэкономического изъятия (норм эксплуатации) в целом для аграрного общества России. В этот период была восстановлена система государственных повинностей (по выражению И.В.

Сталина «нечто вроде «дани»), включающих отработочную, продуктовую и денежную формы⁶⁶. Законодательное оформление этой системы относится к концу 1930-х гг., а «отмирание» повинностей наблюдается с середины 1950-х гг. Хотя для периода 1930 - начала 1950-х годов было характерно преобладание чрезвычайно жестких, внеэкономических методов эксплуатации, постепенно формировался и механизм экономического принуждения. Прежде всего, он был связан с лишением колхозника основных средств производства, формированием системы материального стимулирования, частью которой было наделение приусадебной землей.

Накопление капитала в условиях колхозной системы имело свою специфику и особенности на разных периодах существования колхозного строя. Если проанализировать строение неделимых фондов колхозов России за 1935-1950 гг. выясняется следующая любопытная картина. В их структуре доля обобщественного имущества и вступительных взносов сократилась с 1935 г. по 1950 г. с 24% до 12%. Уже в середине 1930-х гг. до 50% в этой структуре занимали отчисления от доходов сельхозартели (1937 г. – 55%); позже относительная доля этого показателя снижается при серьезном увеличении еще одного капитализационного канала – накоплений в «строительстве и средствах производства, изготовленных для нужд сельхозартели» (до 42% в 1940 г.)⁶⁷. Тем не менее, даже на середину 1960-х гг. И.Ф. Суслов определяет долю обобщественных фондов, созданных трудом в единоличных крестьянских хозяйствах, в стоимости основных средств производства колхозов в 15-20%, т.е. средства производства, созданные трудом кооперированного крестьянства, на середину 1960-х гг. достигли уже 80%⁶⁸. Массированное нарастание колхозных капиталов начинается в 1960-е гг. Проникновение капитала в сельское хозяйство было связано с расширением отраслей и сфер механизации сельского производства, а также с завершением индустриализации страны в целом, что позволило приступить к радикальным переменам в сельской подсистеме. В 1960-1970-е гг. идет перераспределение средств между промышленностью и сельским хозяйством, резко возрастают капиталовложения государства в аграрный сектор. Повышается удельный вес мелиорации в себестоимости аграрного продукта; в виде участия в создании химических комплексов и через другие опосредованные сферы в сельское хозяйство пошел западный капитал, роль которого в этих процессах еще плохо нами изучена. А его роль была

достаточно велика - только в 1959-1963 гг. на Западе было закуплено 50 химических заводов⁶⁹.

В 1960 г. доля колхозов в стоимости основных производственных фондов сельского хозяйства страны составляла около половины, в 1970-1980-е гг. была на уровне примерно 40% их общей стоимости⁷⁰. Доля продукции колхозов в валовой продукции сельского хозяйства РСФСР составляла: в 1960 г. – 39%, в 1970 г. – 35%, в 1980 г. – 29%⁷¹. Масштабы работы нарастающего капитала четко прослеживаются через изменение численности колхозников, занятых в общественном хозяйстве. Если с 1940 по 1950 г. сокращение занятых в производстве колхозников РСФСР было незначительным (с 17 млн. чел. до 14 млн. чел. при примерно равных объемах производства), то далее процесс идет нарастающими темпами: в 1960 г. в колхозах было занято 9 млн., 1980 г. – 5 млн., 1987 г. – 4 млн. чел. при увеличивающихся объемах производства⁷². В 1970-1980-е гг. в аграрно-промышленном комплексе идет радикальное увеличение доли отраслей инфраструктуры сельского хозяйства, формируется взаимосвязанная система функционирования рынка аграрного и промышленного капитала. К середине 1980-х гг. в объеме продукции АПК РСФСР доля сельского хозяйства (вместе с лесным) составляла 43%, доля отраслей промышленной переработки, заготовка сельхозпродукции и доведение ее до потребителей – 38%, еще 19% продукции приходилось на отрасли, обеспечивающие АПК средствами производства⁷³. Фактически в аграрной подсистеме возникло новое экономическое устройство, которому соответствовали радикально изменившиеся по сравнению с 1930-ми гг. материально-техническая оснащенность, организация хозяйства и социальная структура деревни.

В своем развитии колхозная система прошла ряд этапов. Первый охватывает 1930-е гг. – от начала массового колхозного строительства до завершенности формирования таких несущих конструкций колхозного устройства как погектарные нормы обложения, увязывание существования приусадебного хозяйства с трудом в колхозе и т.п. Второй включает 1940-е – начало 1950-х гг. - период существования колхозной системы в классическом виде, когда создавались условия для торжества капитала в аграрной сфере. Третий период (с середины 1950-х до середины 1960-х гг.) – свертывания классической колхозной системы, характеризуется отменой системы госпоставок, ударами по

личному приусадебному хозяйству, совхозизацией, крупномасштабным перемещением рабочих рук в промышленность, введением гарантированной заработной платы и распространением на колхозников пенсионной системы, резким возрастанием притока в деревню промышленного капитала. В 1950-1960-е гг. колхозная система заметно трансформировалась в индустриально функционирующее экономическое пространство. На четвертом этапе (конец 1960-х – 1980-е гг.) происходит окончательное перерождение системы в государственный аграрно-капиталистический механизм. В 1990-е гг. колхозы стали источником формирования частного или акционерного капитала. Накопленный в рамках существования колхозного строя потенциал оказался приватизирован, разворован или разгромлен.

Старокрестьянский уклад был представлен, прежде всего, приусадебными хозяйствами колхозников, а также единоличными дворами. Он характеризовался существованием особого типа аграрного производства, ведущегося автономной хозяйственной ячейкой – крестьянским двором, представляющим уникальное сочетание производственного комплекса - земли, средств производства и рабочих рук. До 1933 г. в этом укладе было сосредоточено абсолютное большинство капиталов сельского хозяйства (в СССР в 1928 г. – 98%, в 1931 г. – 79%). С 1933 г. капиталы крестьянского уклада стремительно сокращаются – в 1933 г. в нем осталось 44% всех основных средств производства сельского хозяйства СССР (в том числе в хозяйствах крестьян осталось большинство продуктивного скота, надворных построек), в 1937 г. – 22%⁷⁴. Экономисты, изучавшие развитие крестьянского уклада (согласно прежней терминологии – личного подсобного хозяйства), отметили, что после окончательного сложения колхозного строя он (с небольшими колебаниями) оставался примерно на одном уровне объема в стоимостных показателях до конца 1960-х гг.: в 1940 г. в СССР он сосредотачивал 9 млрд. руб. основного капитала, в 1950 г. – 8 млрд. руб., в 1960 г. – 10 млрд. руб.⁷⁵ Этот уклад играл довольно значительную роль в производстве валовой аграрной продукции. Колхозные дворы РСФСР давали в 1941 г. 16% сельхозпродукции, в 1950 г. – 18%, в 1960 г. – 23%, в 1976 г. - 24% валовой сельскохозяйственной продукции России⁷⁶. Крестьянский уклад достаточно долго играл устойчивую и значимую роль в аграрной подсистеме страны. До 1950-х гг. он сохранял ведущие позиции в животноводстве, а до

1960-х гг. – в формировании бюджета колхозной семьи. Являясь амортизатором процесса первоначального накопления, он последовательно сохранялся и поддерживался на уровне государственной политики 1930-х - начала 1950-х гг., в том числе воспроизводился и «внутри» капитализированных укладов. В частности в начале 1930-х гг. государством предпринимались усилия по ликвидации бескоровности колхозников, в 1933 г. был решен вопрос об индивидуальном огороде для рабочих совхозов, а в 1938 г. – о возможности содержания совхозниками скота⁷⁷. В то же время традиционное отсутствие внутренней мотивации накопления в рамках старокрестьянского уклада, его существование в условиях жесточайшей государственной эксплуатации подрывало устои этого типа хозяйствования.

Хозяйственная деятельность селян на личном приусадебном участке в наименьшей степени подвергалась перестройке экономического механизма. Хозяйства же населения дали в 1965 г. 46% той доли национального дохода, который производился в сельском хозяйстве, в 1970 г. – 39%, в 1975 г. – 47%⁷⁸. Такие показатели были связаны, прежде всего, с тем, что уровень капитализации в личном приусадебном хозяйстве был крайне низким и материальные издержки - небольшими. С помощью машин или тягловой силы производились, как правило, лишь вспашка приусадебных участков и, иногда, частичная уборка урожая. Во всех остальных производственных процессах основную роль играл живой труд, примитивные орудия. В 1955 г. в среднем по РСФСР доля материальных издержек приусадебного хозяйства составила 26% от совокупного дохода семей колхозников, в 1965 г. – 43%. Материальные издержки ЛПХ состояли преимущественно из натуральных расходов - кормов, семян, подстилки для скота и т.д. В 1955 г. доля натуральных расходов в издержках двора российского колхозника составляла 85%, в 1965 г. – 82%⁷⁹. Лишь в начале 1980-х гг. наблюдаются подвижки в сторону капитализации личного хозяйства, промышленностью начинается производство средств малой механизации. Так уже в 1984 г. население имело возможность купить 5 механизмов, применяемых, в основном, в растениеводстве (мотоблоки, мотокультиваторы и др.)⁸⁰.

*Процессы раскрестьянивания и социальной дифференциации в
русской деревне 1930-1980-х гг.*

Капитализация в аграрном секторе неизбежно вела к соответствующим социальным последствиям: раскрестьяниванию, пролетаризации, формированию протобуржуазии. Проблема раскрестьянивания является одной из наиболее дискуссионных в современной историографии. Разные мнения высказываются о длительности процесса раскрестьянивания в России, этапах и степени завершенности процесса. Одна из причин неоднозначности мнений кроется в несогласованности понимания дефиниции «крестьянство». По определению Т. Шанина, крестьяне - это мелкие сельскохозяйственные производители, которые трудом своих семей, используя простое оборудование, производят главным образом для собственного потребления и для того, чтобы исполнять свои обязанности по отношению к обладателям политической и экономической власти⁸¹. Некоторые историки главным признаком этой социальной категории считают труд на земле или ведение личного приусадебного хозяйства⁸². Заметим, что сельскохозяйственный труд мог быть главным занятием и других социальных категорий – рабов, наемных рабочих. Но эти группы не подпадают под определение крестьянства, которое было совершенно особым способом интегрировано в аграрное производство. В отличие от рабов, лишенных основных средств производства, и рабочих, продающих свои рабочие руки, крестьянин являлся собственником основных орудий труда, владел или пользовался землей и вел хозяйство в достаточно автономном режиме, составляя основу общественного производства и населения аграрного общества. Что касается критериев завершенности процесса раскрестьянивания, то одно из мнений на этот счет было сформулировано В.А. Ильиных, который считает, что о завершенном раскрестьянивании свидетельствует невозможность воссоздания крестьянства как класса⁸³. По нашему мнению, завершенность раскрестьянивания – это радикальное сокращение доли «крестьян» в социальной структуре общества, утрата функций по преимуществу натурального хозяйственника, соответствующие социально-экономические подвижки. Преодоление, в основном, крестьянских черт и означает завершение раскрестьянивания, хотя еще длительное время у

носителей признаков этого слоя могут сохраняться остатки прежних экономических, социальных, психологических характеристик.

В процессе раскрестьянивания явно выделяются «внешнее» и «внутреннее» его проявления, описанные одним из авторов статьи еще в 1992 г. Под первым понимается миграция - прямое выталкивание из крестьянской среды, из деревни в результате подрыва воспроизводства двора, второе - характеризуется как процесс внутреннего перерождения крестьянства, приобретения новых черт остающимися жить в деревне⁸⁴. Население сельской местности до 1960-х гг. численно преобладало над горожанами. В 1939 г. в деревнях проживало 67% населения России, причем половина жителей страны в качестве основного занятия называла сельское хозяйство (в промышленности и строительстве работали тогда же 26% населения России). Переход половинного рубежа в долевого соотношении горожан и селян зафиксировала перепись 1959 г., когда доля сельского населения сократилась до 48%, а доля занятых в сельском хозяйстве - до 32% (в промышленности работали 37% населения России). В начале 1990-х гг. селяне составляли лишь 26% в общей численности населения России⁸⁵. Таким образом, за шесть десятилетий существования колхозов раскрестьянивание сократило сельскую часть населения страны с 80% до примерно четверти всех жителей государства. А оставшаяся часть колхозников постепенно социально переродилась.

Наиболее интенсивным периодом раскрестьянивания России являются 1930-1960-е гг. Здесь мы сталкиваемся с видимым противоречием: почему в условиях «феодальной» реставрации начинается сокращение и перерождение основной категории населения, свойственной аграрному обществу? Причина в том, что эта реставрация решала задачу перехода от аграрного общества к индустриальному. Проникновение в деревню государственно-организованного капитала уже в 1930-1950-е гг. отчасти денатурализовывало крестьянский труд и его продукт. Таким образом в условиях «феодальной» реставрации готовилась почва для трансформации крестьянина в рабочего. Обезземеливание крестьян, разрушение производственного механизма их демографического и хозяйственного статуса также вписываются в этот процесс. В 1960-е гг. «раскрестьянивание» России в основном завершается. Незавершенность пролетаризации колхозников и других сельских тружеников обуславливалась лишь сохранением многих черт крестьянского мировосприятия, а также

института личного подворья. С конца 1960-х годов колхозник (как и совхозный рабочий) становится наемным рабочим государственного предприятия, хотя и сохраняет некоторые крестьянские черты, в том числе небольшое личное хозяйство, ориентацию на продовольственное самообеспечение, социально – психологические особенности. «Раскрестьяненные колхозники» в это время, несмотря на некоторое снижение уровня эксплуатации, пребывают в очень некомфортной социальной ситуации. Их прежняя идентичность крестьянина, пусть и сверхэксплуатируемого, была окончательно разрушена. Они оказались в «рабочих», но самого обездоленного и униженного сорта. Естественной реакцией на потерю идентичности стало, с одной стороны, нарастание негативных явлений социальной жизни: пьянства, социальной деградации. С другой стороны, форсированный уход крестьянства вызвал всенародный надлом и ностальгию по деревне, проявившиеся в трагичной и яркой литературе русских «деревенщиков». Российское крестьянство равнодушно воспринимало свое разрушение, к тому же происходящее практически на глазах одного поколения. Естественной реакцией крестьянского социума на сверхэксплуатацию деревни в 1930-1950-е гг. был социальный протест. Крестьянский протест эпохи раскрестьянивания выливался в традиционные для деревенского мира в основном пассивные и ненасильственные формы (исход из деревни, уклонение от государственных повинностей, борьба за сохранение и расширение приусадебного землепользования, протест против утраты деревней культурной самостоятельности и самобытности и т.д.)⁸⁶. Выдержав борьбу за выживание двора в 1930-1950-е годы, крестьянский мир подорвал свои силы. На рубеже 1950-1960-х годов был превышен предел возможностей крестьянского противостояния разрушительным действиям капитала. Вместе с ним уходила в прошлое многовековая традиция пассивных, ненасильственных форм противостояния капитализаторской политике государства.

Социальное перерождение крестьянства четко прослеживается в этапах развития крестьянского двора колхозной эпохи. До 1960-х гг. он сохранял архаичные черты аграрного общества, не только во вполне самодостаточном, натурально-потребительском воспроизводстве средств труда, но и в продовольственном, а также бытовом обеспечении. Основой сохранения крестьянского статуса колхозного двора являлось приусадебное хозяйство, которое велось за счет семейной кооперации, с разделением труда по полу и

возрасту. Работы по уходу за садом и огородом, скотом и птицей в основном осуществлялись женщинами, а труд мужчин преобладал на работах по возведению и ремонту хозяйственных построек и инвентаря, на заготовке продуктов леса, кустарно-ремесленных работах. Воспроизводство хозяйства двора также, в основном, было натуральным: семена, корм, некоторые орудия труда, скот и молодняк воспроизводились внутри хозяйства. Внутри двора воспроизводилась и значительная часть несельскохозяйственной продукции, до 1960-х гг. сильны были кустарно-ремесленные традиции в хозяйстве. Лишь производство одежды и обуви с 1930-х гг. постепенно вытесняется из крестьянского хозяйства, а изготовление мебели, предметов быта во многом сохранялось внутри двора и в 1950-е гг. В 1930-1950-е гг. натуральность сохранялась и в воспроизводстве рабочей силы колхозной деревни - продовольственные потребности колхозника в основных сельхозпродуктах удовлетворялись за счет хозяйства двора, происходила внутрисемейная «профессиональная» подготовка к сельхозтруду. Колхозная система «стерилизовала» крестьянство, но не уничтожила его окончательно. Индивидуальный хозяйственный уклад, несмотря на беспрецедентные ограничения, в течение десятилетий не был подсобным. Мясо, молоко, картофель, яйца еще долго производил в значительной степени и по преимуществу двор. В некоторых регионах и областях России это наблюдается даже в конце 1950-х – начале 1960-х годов. Тем более велика была его роль в формировании бюджета колхозного двора. По бюджетным обследованиям конца 1930-х гг., проведенным в черноземных областях России, доля личного хозяйства во многих семьях превышала половину, а в некоторых семьях - 70% совокупных доходов семей колхозников (исчисление производилось в ценах колхозного рынка). К 1953 г. доля личного хозяйства в доходах российских колхозников возросла и во многих районах превышала 90%. В большинстве областей Нечерноземья около половины совокупных доходов колхозной семьи даже в начале 1960-х гг. формировалось за счет личного хозяйства⁸⁷.

Сохранение до середины 1960-х гг. крестьянской базарной торговли было своеобразным показателем натуральности хозяйства двора, ибо доля отчуждаемого продукта не дает возможности говорить о сколько-либо высокой товарности личных приусадебных хозяйств (в 1940-1950-е гг. доля проданного на рынке зерна составляла от 2 до 6% от произведенных в хозяйстве, картофеля

от 4 до 7%, мяса от 9 до 21%, молока около 4%, яиц от 10 до 18%). Нередко такая «торговля», по наблюдениям В.Б. Островского, принимала форму прямого продуктообмена. Состояние торговли было предопределено недостаточным развитием товарно-денежных отношений и рыночной инфраструктуры, и в то же время стимулировалось потребностями покупки самых необходимых изделий промышленности, получения денег для уплаты налогов. Нетоварный характер хозяйства двора сохранялся и в более поздний период: в 1964 г. 89% чистой продукции двора составлял фонд потребления⁸⁸.

Колхозный двор 1970-1980-х гг. в основном выходит за рамки экономики традиционного общества, перестав существовать как самовоспроизводящаяся единица. К началу 1970-х гг. личные приусадебные хозяйства являлись активными потребителями средств производства колхоза. По подсчетам экономистов не менее 70% кормов, используемых в ЛПХ, строительные материалы, часть семян, саженцев, молодняка являлись продукцией обобщественного производства⁸⁹. Использовались в приусадебных хозяйствах и некоторые средства механизации колхоза. Последний оплот крестьянского состояния – формирование бюджета за счет своего хозяйства – пятидесятипроцентную грань переходит в большинстве областей Центральной России в первой половине 1960-х гг. и уменьшается к концу 1980-х гг. до пятой части совокупного дохода семьи колхозника⁹⁰. Уходит в прошлое традиция крестьянской базарной торговли. Основные денежные средства колхозной семьи формируются за счет оплаты труда в колхозе, заработной платы, социальных выплат от государства. Денатурализация двора, разрушение его натурально-потребительского характера находит отражение в структуре расходной части бюджета. К началу 1980-х гг. расходы на питание, где теперь присутствовала большая доля продукции, подвергшейся промышленной переработке, составляли около 40% всех расходов, примерно такой же была доля затрат на непродовольственные промышленные товары и оплату культурно-бытовых услуг⁹¹. Практически полностью изготовленными вне крестьянского двора становятся предметы домашнего обихода (мебель, посуда, одежда и обувь, другие хозяйственно-бытовые товары). По структуре бюджета колхозный двор все сильнее сближается с семьями рабочих и служащих, особенно в расходной части.

Выход приусадебного хозяйства колхозного двора из «аграрного» состояния проходит ряд этапов. Начало этого процесса связано с 1930-ми гг., когда двор был лишен лошади, происходило быстрое сокращение доли технических культур в структуре посевных площадей приусадебных участков колхозников. Даже в начале 1930-х гг. они занимали около 7% посевных площадей приусадебных участков, а к 1960-м гг. их доля не превышала 1%. Хлебный клин до минимума сокращается в структуре посевов двора к 1970-м гг. (с 16% в 1940 г. до 7% в 1970 г.)⁹². Одновременно происходит падение агротехнической культуры приусадебного хозяйства, деградирует правильный севооборот и т.д. Параллельно этим процессам исчезает интерес колхозников к расширению и даже сохранению приусадебного участка. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. доля дворов, не имеющих земли, с землей только под постройками или с малым (до 10 соток) количеством земли не превышала в большинстве областей Нечерноземья РСФСР 1 - 3%. Зато доля дворов с максимально возможным для данного региона земельным участком, как правило, была на уровне 30 %, а чаще 40 - 50%. Серьезные перемены начали происходить лишь в 1960-х гг., усугубляясь в течение 1970 - 1980-х гг. На Европейском Севере, например, в середине 1980-х гг. свыше 10% колхозных семей вообще не имели приусадебного участка, а доля семей с максимальными земельными участками сократилась по сравнению с 1950-ми гг. в 2 - 3 раза⁹³. И, наконец, последним этапом перерождения хозяйства двора можно считать отказ от содержания коровы. Уже в начале 1960-х гг. в России лишились коров около трети крестьянских семей, а во второй половине 1980-х гг. доля таковых приблизилась к 50% дворов. По областям Европейской России в 1987 г. доля семей, содержащих корову, колеблется от 14 до 35% от общего числа колхозных дворов⁹⁴.

Важным показателем выхода из аграрного общества являлось распадение крестьянствования как рода занятия на группы профессиональной специализации. Первоначально труд в колхозах в основном не был специализированным, колхозники сохраняли статус многофункциональных работников, утвердившийся внутри крестьянского двора. Уже в 1950-е гг. становится явно заметно, что занятие сельским хозяйством из образа жизни постепенно становится профессией, происходит выход за пределы села системы профессиональной подготовки. Если в 1939 г. было зафиксировано 12-13

сельскохозяйственных специальностей, то в 1959 г. – 25, а к 1974 г. их число увеличилось до 159⁹⁵. Доля лиц без обозначения профессий снизилась с 80 % в 1939 г. до 69 % в 1959 г. и 47 % в 1970 г.⁹⁶. Происходит «индустриализация» сельских профессий, увеличение доли людей, связанных по характеру работы с машинами и механизмами. В 1939 г. кадры механизаторов составляли не более 4% общей численности занятых в сельском хозяйстве, в 1960 г. эта доля возросла до 9%, в 1970 г. составила 14%, а в 1980 г. – 45% работников колхозов⁹⁷. Своеобразную «индустриализацию» переживала и колхозная элита – предпринятая в середине 1950-х гг. акция по посылке на руководящие посты в колхозах 30 тыс. рабочих была одной из важнейших составляющих этого процесса.

Новый колхозно-совхозный строй совершенно изменил деревню с точки зрения форм и способов аграрного производства, взаимоотношений людей – индивидуальные, самодостаточные хозяйства были принудительно «сведены» в единый производственный процесс с одновременным неизбежным социальным размежеванием. «Раскрестьянивание» сопровождалось трансформацией крестьянского хозяйственного идеала, сначала смутным, а потом все более заметным выходом за рамки крестьянских ценностей. В обществе, которое называлось социалистическим, складывались в завуалированном, «социализированном» виде многие, в общем-то, традиционные тенденции имущественной и социальной дифференциации⁹⁸. Конечно, проявления расслоения в деревне были другими, чем в России начала XX века, где основная грань проходила по линии обеспеченности крестьянского двора средствами производства. Для колхозного времени социальная и имущественная дифференциация имела ряд особенностей: она складывалась в рамках определенного исторического контекста, когда в деревне отсутствовало крупное индивидуальное производство. Для крестьянского социума этого периода были характерны малые масштабы расслоения, кроме того, действовал политический и идеологический курс на сдерживание дифференциации общества. До конца 1950-х годов он обеспечивался в значительной степени системой крестьянских повинностей, с помощью которой из хозяйства изымалась большая часть ресурсов, необходимых для создания высокого уровня жизни. Нельзя не отметить наличие в советском обществе специфических механизмов, влиявших

на социальную и имущественную дифференциацию, в частности, распределения средств через общественные фонды потребления.

В обществе 1930-1980-х гг. существовали в разном соотношении три типа крестьянской зажиточности. Прежде всего, «крестьянский», в котором основой относительно высокого материального статуса для части крестьянских дворов являлся труд в приусадебном хозяйстве с его натурально-потребительской ориентацией. Не случайно то, что натурально и с потребительской целью воспроизводилось внутри приусадебного хозяйства (скот, продукты растениеводства, питания и т.д.), являлось и критерием зажиточности для рядового крестьянского населения. По мере угасания возможностей старокрестьянского типа имущественного выделения все большие масштабы приобретает тот тип дифференциации, который формируется в результате процесса раскрестьянивания. Условно назовем этот тип «протобуржуазным». Легализация его статуса произошла в 1990-х гг. Процесс капитализации, который объективно и подспудно шел в «социалистическом» обществе, неизбежно сопровождался формированием социальной верхушки и пролетаризацией большей части населения. Однако вышеназванными двумя типами процесс социальной и имущественной дифференциации в колхозной деревне не исчерпывался. В рамках социалистической идеологии и политики государства нельзя не увидеть становления отличного от других, «социалистического», типа зажиточности, о котором постоянно упоминали партийные и государственные документы как о желательной социальной общественной эволюции, пути к идеальной модели будущего коммунистического общества. Это не было простой декларацией. Как показывают данные статистики, расширение группы высокооплачиваемых и высокодоходных семей, «осереднячивание», которое было, несомненно, амбивалентным процессом, являлось одной из ведущих тенденций послевоенного советского общества. В определенном смысле можно говорить о превалировании именно этого типа эволюции материального положения в течение последних десятилетий советской истории России. Вместе с тем, социалистический тип зажиточности во многом являлся результатом сконструированных политических решений и был нацелен, с одной стороны, на преодоление элементов традиционной крестьянской зажиточности, а с другой - на нивелирование советского капиталистического «андеграунда».

В колхозный период происходили изменения роли той или иной формулы материальной стратификации, когда черты какого-то определенного типа играли ведущую роль в статусном самоопределении «крестьянского» как идеала, соответствующего осознанным и только зарождающимся ценностям общества. По нашему мнению, выделяются определенные этапы эволюции имущественной и социальной дифференциации в послевоенной российской деревне. Первый - связан с завершением процесса формирования колхозной системы и существованием ее в «классическом» виде. Его протяженность - с середины 1930-х до середины 1950-х гг. Важнейшая черта этого этапа – преобладание натурально-потребительских аспектов материальной дифференциации. Второй (важнейшей характеристикой которого является начало бурной пролетаризации крестьянства) охватывает десятилетие после смерти Сталина. Динамичное, хоть и подспудное, становление основ и занятие стартовых позиций будущей социальной верхушкой активно шло в течение следующих двадцати пяти лет. И, наконец, в 1990-х гг. произошли социально-революционные изменения, в которых капитализировавшаяся верхушка реализовала накапливавшиеся материальные, административные, морально-психологические элитарные потенции.

Состояние зажиточности было исключением для этапа 1930-х – начала 1950-х гг. Бюджетная статистика самую высшую по доходам на члена семьи группу (1200 и более рублей в год) фиксирует даже в конце 1950-х гг. в размере до 1,5 % семей⁹⁹. В целом, в рамках первого этапа практически не заметно «естественного» (не насильственного) сокращения важнейших элементов индивидуального хозяйствования, которые во многом и лежали в основе имущественной дифференциации, в том числе, формируя идеал «хорошего хозяина» на селе. Резкое ускорение расслоения характерно для второго этапа социальной и имущественной дифференциации (1950-е - начало 1960-х гг.). В основе этого процесса лежала пролетаризация крестьянства. По сути, с введением гарантированных денежных форм оплаты труда отношения государства с колхозниками, «как с крестьянами», изменились на взаимоотношения с колхозниками «как с рабочими», чему соответствовала замена крестьянских повинностей отношениями найма. Формирование в аграрной сфере слоя будущих «приватизаторов» как социальной группы реально начинается именно в этот период, на что указывают и данные

социологов, изучавших морфологию процессов, произошедших в 1990-х гг., в частности исследования сектора социологии сельского хозяйства Института социально-политических исследований РАН (группа В. И. Старовойтова). Условия формирования будущей деревенской элиты, как правило, сочетали верхушечное положение в системе колхозной иерархии и соответствующий материальный статус, а также более благоприятные условия личного хозяйствования. Одновременно происходило сужение пространства индивидуальной крестьянской деятельности, особенно на втором этапе хрущевского правления (первая половина 1960-х гг.). К этому же этапу относятся важные изменения в социальной психологии крестьянства. Практически полностью изживает себя многопоколенная традиция повинностного поведения в отношении государства, в крестьянское сообщество постепенно внедряются ценности индустриального общества – индивидуализм, приоритет личного благополучия над системным единством. В 1960-х гг. как рудимент нами фиксируется еще одна уникальная черта крестьянского поведения, когда 4 - 5-е поколение бывших крепостных фактически уже добровольно, на основе традиции, приносило определенные подати потомкам своих бывших господ (такие факты известны, например, в Устюженском районе Вологодской области). Третий этап социальной трансформации крестьянства в условиях социализма (середина 1960-х – начало 1990-х гг.) связан с достаточно активными процессами формирования «протобуржуазии». В 1980-х гг. социологами зафиксировано явление социальной дифференциации по критерию «управленцы – исполнители», представлявшее собой классический механизм реализации капиталистической частной собственности. Руководители постепенно сконцентрировали права владения и пользования средствами производства, от которых до полной собственности был буквально один шаг. В скрытой форме в течение этого периода осуществлялись и попытки по сути приватизации колхозной собственности, средств производства, произведенного продукта и т. д. Правоохранительная аналитика, пресса и публицистика того времени были заполнены фиксацией случаев «злоупотреблений» управленцами своим положением с целью присвоения аграрного продукта. Еще одной группой потенциальных приватизаторов были высококвалифицированные работники колхозов, в частности механизаторы. Использование колхозной техники для своих нужд становилось массовым явлением. Одновременно сокращаются

попытки расширения индивидуального хозяйствования крестьянского типа. Об этом свидетельствует, в частности, резкое уменьшение с конца 1960-х гг. так называемых «захватов» земли, бытование которых было распространено в повседневности 1940-1950-х гг. Нарастание актуальности приватизации для протобуржуазных элементов наблюдается в 1970-1980-е гг. и связано с тем, что наступает время передачи статуса и места в иерархии следующим поколениям, чего нельзя было сделать в рамках государственного владения собственностью и распоряжения продуктом. Разрешение этого потенциального стремления наступило в рамках четвертого этапа социальной эволюции деревни, который ознаменовался полной победой скрытой тенденции капитализации аграрного производства. Радикально и достаточно быстро уходят факторы прежнего механизма воздействия на процесс дифференциации: роли и места в общественном производстве, значения фондов общественного потребления, доходов от колхозов и прочих атрибутов социализма. На этом этапе только в остаточном качестве сохраняется крестьянское понимание идеала хозяйствования как достаточного уровня удовлетворения потребительских интересов, долго служившее системообразующим элементом аграрного социума.

Динамика и глубина социальной трансформации колхозников связана со степенью капиталистического перерождения отраслей, особенностями в этом отношении территорий, да и отдельных хозяйств. Более высокий уровень насыщения аграрной подсистемы капиталом, имущественное и социальное расслоение, «втягивание» селян в процесс капитализации, формирование некрестьянских социально психологических установок происходили неравномерно по отдельным отраслям, структурам, формам организации сельхозпроизводства, территориям, где сказывались факторы «столичности», промышленной «важности», необходимости замены старого механизма отраслевого регулирования и т.п. Эта градация отражалась на уровне единиц аграрной организации: нередко более «капиталистически-продвинутые» хозяйства были генетически связаны с традициями «крепких» дворов, существовавших до революции; объединившись в 1930-е гг., они превращались в колхозы-маяки, а после развала колхозов активно начинают развивать фермерское хозяйство. Эта проблема в историографии практически не изучена, но ее исследование может привести к интересным и неожиданным выводам.

Изложенные подходы свидетельствуют, на наш взгляд, о необходимости переосмысления аграрного строя России колхозного периода. Несущие конструкции прежней историографической схемы (в советском – позитивистском и постсоветском – негативистском вариантах) устарели. Неверно рассматривать коллективизацию как форму социалистического преобразования сельского хозяйства. Результат коллективизации – не формирование однородного по своей социально-экономической природе устройства аграрной подсистемы с государственным (находящимся в общенародной собственности) совхозным сектором, колхозами, природа которых базировалась на кооперативной собственности, и личным хозяйством, носившем подсобный характер, но в целом вписывающимся в систему социалистического земледелия. Труженики сельского хозяйства, на наш взгляд, не сохранили, как это принято считать, основные черты крестьянского социального статуса, и не приобрели в то же время набор новых социалистических по природе качеств: соучастника собственности коллективных предприятий (в колхозах), или государственных предприятий (в совхозах).

По мнению авторов статьи, уникальность российской аграрной истории 1930-1980-х гг. состояла лишь в специфике весьма заурядного для мировой истории выхода из аграрного состояния, капитализации деревни. Многочисленные реформаторские попытки модернизации аграрной подсистемы в начале XX века через разрушение общины, ликвидацию помещичьего землевладения, поощрение кооперации, крепкого хозяина к концу 1920-х гг. в принципиальном плане завершились ничем. Десятки миллионов мелких сельских хозяев, несмотря на «убожество» своего существования, не хотели раскрестьяниваться. Нужен был «варвар», не связанный традициями, как Столыпин, или иллюзиями, как Бухарин, способный произвести радикальную трансформацию жесткими методами. Единственным способом относительно быстрой капитализации российской деревни было ограбление своего народа, отнятие у крестьян земли, средств производства, реставрация полуфеодалных методов эксплуатации, что и было сделано в ходе коллективизации. Поскольку в тот период нельзя было дать деревне промышленный эквивалент аграрного

продукта, через госпоставки и натуроплату была введена «принудительная» товарность.

В первое колхозное тридцатилетие необходимо было сохранить в руках крестьянина остатки старого индивидуального хозяйства, ибо оплатить колхозный труд в необходимых масштабах было невозможно. Когда же после первых тяжелых колхозных десятилетий была создана индустрия, позволившая приступить к радикальному насыщению сельскохозяйственного производства промышленными орудиями труда, удобрениями и т.д., начинается решающий этап трансформации самого сельского хозяйства. Именно в 1960-е гг. в структуре себестоимости аграрного продукта начинает преобладать капитал, окончательно товарищаются рабочие руки, средства производства, аграрная продукция.

По своей исторической природе, источникам формирования капитала, важнейшим характеристикам социального статуса работников в аграрной подсистеме колхозного времени выделяются три феномена, которые, следуя историографической традиции, мы предлагаем рассматривать как различные хозяйственные уклады: колхозный, совхозный и крестьянский. Ведущим в первоначальном накоплении являлся колхозный уклад, индивидуальное крестьянское хозяйство служило амортизатором этого процесса, а совхозный уклад, захватывающий в 1960-1970-е гг. основное аграрное пространство, «отрабатывал» модели госкапитализма в сельском хозяйстве.

Ведущие тенденции социальной эволюции в аграрной подсистеме состояли не в увеличении «социалистичности» селянина, а в выходе из крестьянского состояния через утрату важнейших классовообразующих признаков (владение средствами производства, универсальность деятельности, религиозность мировосприятия) и приобретение новых качеств (отчуждения от земли, производственной специализации, утраты связей с личным хозяйством). Радикальнее этот процесс происходит через совхозную форму.

Предложенный в статье подход вносит, на наш взгляд, определенные коррективы и в более крупную историографическую проблематику. В частности, разрушение двух основных структурных элементов аграрного общества связано, преимущественно, со столетием 1860-1960-х гг.: после отмены крепостного права уходит барская усадьба как важнейшая конструктивная единица устройства аграрного общества в российском его

варианте, а к 1960-м гг. в основном завершается существование крестьянского двора как второго важнейшего элемента этого устройства. Первостепенной важности революционными изменениями в таком понимании являются реформы середины XIX в. и сталинская аграрная революция, а столыпинские преобразования и послеоктябрьский (1917 г.) «черный передел» выглядят тупиковыми историческими явлениями.

¹Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996; Вылцан М.А. Завершающий этап создания колхозного строя (1935 – 1937). М., 1978; Вылцан М.А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны (1938 – 1941 гг.); Волков И.М. Трудовой подвиг колхозного крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946 – 1950 гг. М., 1972; Вылцан М.А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя. 1945 – 1958. М., 1976; Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970; Тюрина А.П. Социально-экономическое развитие советской деревни 1965 – 1980. М., 1982; Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960-1980-е годы. М., 1996.

²Зеленин И.Е. Зерновые совхозы СССР (1933 – 1941). М., 1966; Зеленин И.Е. Совхозы СССР. 1941 – 1950. М., 1969; Богденко М.Л. Совхозы СССР. 1951 – 1958. М., 1972; Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства в СССР (1929 – 1932). М., 1966; Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957; Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Изд. Саратовского университета, 1967 и др.

³История крестьянства СССР. В 4 т. М., 1986-1988.

⁴Доброноженко Г.Ф. Коллективизация на Севере. 1929-1932. Сыктывкар, 1994; Бакунин А.В., Денисевич М.Н. Развитие личных подсобных хозяйств населения: тенденции и перспективы (30-80-е гг.). Свердловск, 1990; Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945). Свердловск, 1990; Мотревич В.П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990; Толмачева Р.П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946 – 1950). Томск, 1979; Она же. Колхозы Урала в 50-е гг. Томск, 1981; Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Сельская среда и население Карелии, 1945-1960 гг. Л., 1988; Павлов Н.П. Крестьянство Удмуртии. 1946 – 1970 гг. Ижевск, 1975; Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Ч. 1. Чебоксары, 1989; Шорников А.М. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии (1959 – 1985 гг.). Ч. 2. Чебоксары, 1990; Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950-1965 гг. М.-Вологда, 1991; Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985; Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960-1980-е гг. Новосибирск, 1991.; Горбачев О.В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946 – 1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002; и др.

⁵Зеленин И.Е. Аграрная политика Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001; Зима В.Ф. Голод в СССР 1946-1947 гг.: происхождение и последствия. М., 1996; Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953). М., 1993; Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992; Она же. Население российской деревни в 1939 – 1959 гг.: проблемы демографического развития. М., 2002 и др.

⁶Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия (Сост. Т. Шанин). М., 1992; Семинар «Современные концепции аграрного развития» (Отечественная история 1992 – 1998 гг.), публикации Центра крестьяноведения и аграрных реформ (см. библиографию в сб. «Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России». М., 2002. С. 569 – 581).

⁷Schapiro L. The Communist Party of Soviet Union. N.Y., 1960; Bergson A. The Economics of Soviet Planning. L., 1964; Nove A. The Soviet Economy. An Introduction. L., 1961; Дюмон Рене. Колхозы, совхозы или проблематичный коммунизм. Вып.1. М., 1964; Марченко В.П. Основные черты хозяйства постсталинской эпохи. Мюнхен, 1959; Гароди Р. Большой поворот социализма. М., 1970; Спасибер Н. Советская стратегия экономического роста. М., 1965; Билимович А.Д. Экономический строй освобожденной России. Мюнхен, 1960 и др.

⁸ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Он же. Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М., 1979.

⁹ Островский В.Б. Указ соч.

¹⁰ Издержки производства и себестоимость продукции в колхозах. М., 1960; Суслов И.Ф. Экономические проблемы развития колхозов. М., 1967; Эффективность сельскохозяйственного производства. М., 1967; Емельянов А.М. Методологические проблемы накопления и рентабельности в колхозах. М., 1965; Котов Г.Г. Расширенное воспроизводство социалистического сельского хозяйства. М., 1969; Материальное стимулирование развития колхозного производства. М., 1963; Белянов В.А. Личное подсобное хозяйство при социализме. М., 1970; Шмелев Г.И. Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М., 1971 и др.

¹¹ Levin M. Russian Peasants and Soviet Power. L., 1968; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.

¹² Лященко П.И. Очерки аграрной эволюции России. Т.1. Б/м., 1923. С. 21; Маслов С. Крестьянское хозяйство. Очерки экономики мелкого земледелия. М., 1915. С. 124.

¹³ См. например, Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881 – 1904. М., 1980. С. 157; Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Он же. Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М., 1979.

¹⁴ Шестаков А. Капитализация сельского хозяйства России (от реформы 1861 г. до войны 1914 г.) М., 1924.

¹⁵ Rostow W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. 1960; Крылов В.В. Теория формаций. М., 1997; Островский А.В. История цивилизации СПб., 2000. С. 201 и др..

¹⁶ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. С. 354.

¹⁷ Безнин М.А. Совхозные рабочие Европейского Севера РСФСР в годы восьмой и девятой пятилеток. Автореферат ...к.и.н. Л., 1983.

¹⁸ Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950-1965 гг. М.-Вологда, 1991; Безнин М.А. Раскрестьянивание России //Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции. Вологда, 1992. Ч.1. С. 103 –110; Безнин М.А., Димони Т.М. Зажиточное крестьянство России во второй половине XX века// Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 5 – 15; Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В. Повинности российского крестьянства в 1930-1960-х годах. Вологда, 2001; Безнин М.А., Димони Т.М. Повинности российских колхозников в 1930-1960-е годы// Отечественная история. 2002. № 2. С. 96-111; Политика раскрестьянивания в Сибири. Отв. редакторы В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Вып.1. Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930-1940 гг. Новосибирск, 2001; Вып.2. Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930-1941 гг. Новосибирск, 2002; Вып.3. Налогово-податное обложение деревни 1946 – 1952 гг. Новосибирск, 2003.

¹⁹ Димони Т.М. Социальный протест в колхозной деревне 1945-1960 гг. (на материалах Европейского Севера России). Диссертация ...к.и.н. Вологда, 1996; Безнин М.А., Димони Т.М. Крестьянство и власть в России в конце 1930-х – 1950-е гг.// Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). М., 1996. С. 155-166; Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.)// Отечественная история. 1999. № 3. С. 81-99; Безнин М.А., Димони Т.М. Завершение раскрестьянивания в России (вторая половина XX века)// Россия в XX веке. Реформы и революции. В 2 т. Т.1. М., 2002. С. 632-643; Димони Т.М. История колхозной деревни в романном творчестве Ф. А. Абрамова // Отечественная история. 2002. № 1. С.123-135; Димони Т.М. «Председатель»: судьбы послевоенной деревни в кинокартине первой половины 1960-х гг.// Отечественная история. 2003. № 6. С. 91-101.

²⁰ Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй и поземельные отношения в России в 1930-1990-е гг. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. С. 5-15.

²¹ Сталин И. Сочинения. Т. 12. М., 1953. С. 265.

²² Сталин И. Сочинения. Т. 13. М., 1953. С. 310.

²³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 317. Л. 17 ; Д. 694. Л. 1.

- ²⁴ Ванштейн А. Народный доход России и СССР. История. Методология исчисления. Динамика. М., 1969; Калганов М.В. Национальный доход. М., 1959; Кац В. Народный доход и его распределение. М., 1932; Плышевский Б.П. Распределение национального дохода СССР. М., 1960; Белик Ю.А. Национальный доход СССР. М., 1961; Марин Л.Г. Как исчисляется национальный доход СССР. М., 1963 и др..
- ²⁵ Рассчитано по: Материалы по балансу народного хозяйства СССР за 1928, 1929 и 1930 гг. М., 1932. С. 105; РГАЭ. Ф. 1562. Оп.3. Д. 694. Л.1; Ванштейн А. Народный доход России и СССР. История. Методы исчисления. Динамика. М., 1969. С. 111.
- ²⁶ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 30, 44, 213, 215, 268.
- ²⁷ Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971. С. 12.
- ²⁸ Белянов В.А. Указ. соч. С. 59. Эти же данные приведены в расчетах других экономистов: Сдобнов С.И. Советская деревня на пути социального прогресса. М., 1976. С. 54; Русинов И.В. Интенсификация сельского хозяйства. Зональные особенности. М., 1972. С. 131 и др.
- ²⁹ Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. Стат. ежегодник. М., 1971. С. 321; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. Стат. ежегодник. М., 1976. С. 332-333; Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1981. С. 232-233.
- ³⁰ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп.79. Д. 261. Л. 24; Оп. 324. Д. 1378. Л. 231-235; Д. 3606. Л. 29, 32, 35; Д. 5724. Л. 25-29; Оп.44. Д. 1703. Л. 45-63; ГАРФ. Ф. А-374. Оп.31. Д. 7097. Л. 177-213; Ф. А-616. Оп.9. Д. 4054. Л. 40-52.
- ³¹ Кредитно-денежная система СССР. М., 1967. С. 312.
- ³² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917 – 1967). Т. 5. М., 1968. С. 739 – 740.
- ³³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 398. Л.4; Д. 1372. Л. 83, 85; Ф. 7486. Оп.7. Д. 1308. Л. 138.
- ³⁴ Хозрасчет и цены в социалистическом сельском хозяйстве. М., 1969. С. 45.
- ³⁵ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1377. Л. 202-205; Д. 3593. Л.9; Д. 5722. Л. 24-28; ГАРФ. Ф. А-374. Оп.3. Д. 7096. Л. 29-53.
- ³⁶ Рассчитано по: Совокупный доход семей рабочих промышленности, рабочих совхозов и колхозников РСФСР. М., 1962. С. 29; Совокупный доход семей колхозников РСФСР в 1971 г. М., 1972. С. 10.
- ³⁷ Производительность труда в колхозах и совхозах МСХ РСФСР в 1981 – 1983 гг. М., 1984. С. 54.
- ³⁸ Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-616. Оп.3. Д. 9186. Л. 13,19; Д. 4054. Л. 74-79.
- ³⁹ Рассчитано по: Материалы по балансу народного хозяйства СССР за 1928, 1929 и 1930 гг. М., 1932. С. 111; РГАЭ. Ф. 1562. Оп.3. Д. 694. Л.3; Д. 1196. Л.22; РГАНИ. Ф.5. Оп.69. Д. 1074. Л. 93; Затраты и цены на сельскохозяйственную продукцию. М., 1986. С.11.
- ⁴⁰ См. подробнее: Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй и поземельные отношения в России в 1930-1990-е гг. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. С. 5-15.
- ⁴¹ Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965 – 1971). М., 1971. С. 30; Ленинская аграрная политика КПСС. М., 1978. С. 472.
- ⁴² См., например, Карнаухова Е.С. Дифференциальная рента и экономическая оценка земли. М., 1977.
- ⁴³ См., например: Ленинская аграрная политика КПСС. С. 634 – 635.
- ⁴⁴ Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 161 – 183.
- ⁴⁵ Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. Статистические сведения по сельскому хозяйству СССР за 1927 – 1930 г. М., 1931.
- ⁴⁶ Вознесенский Н.А. Хозрасчет и социалистический план // Избранные произведения. М., 1979. С. 46.
- ⁴⁷ Венжер В.Г. Использование закона стоимости в колхозном производстве. М., 1965. С. 267.
- ⁴⁸ Венжер В.Г. О методике исчисления издержек производства в колхозах // Вопросы экономики. 1955. № 11. С. 82-95.
- ⁴⁹ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 265, 266.
- ⁵⁰ РГАЭ. Ф. 7486. Оп.7. Д. 1593. Л. 3-66.

- ⁵¹ Рассчитано по: О себестоимости производства сельскохозяйственных продуктов в колхозах в 1958 г. М., 1959. С. 32-49; О себестоимости производства сельскохозяйственных продуктов в колхозах и совхозах СССР. Б/м. С. 46-53.
- ⁵² Хозрасчет и цены в социалистическом сельском хозяйстве. М., 1969. С. 256.
- ⁵³ Рассчитано по: Уровень и структура себестоимости сельскохозяйственной продукции колхозов и совхозов. М., 1975. С. 10, 26, 42; Уровень и состав затрат на производство валовой продукции колхозов и совхозов и продукции растениеводства совхозов за 1966-1980 гг. М., 1983. С. 8,9.
- ⁵⁴ Ленин В.И. О продовольственном налоге // Ленин В.А. Полное собрание сочинений. Изд. пятое. Т. 43. М., 1963. С. 207; Сталин И. Сочинения. Т.13.М., 1951. С.309.
- ⁵⁵ Белянов В.А. Указ. соч. С. 17-18.
- ⁵⁶ Котов Г.Г. Сближение двух форм социалистической собственности и укрепление союза рабочих и крестьян // Союз рабочего класса и крестьянства на современном этапе. М., 1962. С. 81.
- ⁵⁷ Шкредов В.В. Социалистическая земельная собственность. М., 1967. С. 66.
- ⁵⁸ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 80. Д. 63а. Л. 50-63; Основные показатели развития сельского хозяйства СССР. М., 1974. С. 43; Белянов В.А. Указ. соч. С. 59; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 253. Л. 3-45; Д. 1492. Л. 26-28; Д. 3752. Л. 24-26.
- ⁵⁹ Рассчитано по: Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1981. С. 23-28.
- ⁶⁰ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 83. Д. 51. Л. 106, 118.
- ⁶¹ Колхозы в 1930 г. Итоги рапортов колхозов 16 съезду ВКП (б). М.-Л., 1931. С. 28, 134.
- ⁶² Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп.80. Д. 63а. Л. 50, 52, 54, 56, 63.
- ⁶³ Рассчитано по: Белянов В.А. Указ. соч. С. 59; Основные показатели развития сельского хозяйства СССР. М., 1974. С. 43.
- ⁶⁴ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 253. Л. 3-45; Д. 1492. Л. 26-28; Д. 3752. Л. 24-26.
- ⁶⁵ Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 т. 1927 – 1939. Т.4. 1934 – 1936. М., 2002. С. 186.
- ⁶⁶ См. подробнее: Безнин М.А., Димони Т.М. Повинности российских колхозников в 1930-1960-е годы. // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96 – 111.
- ⁶⁷ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 7486. Оп.7. Д. 3223. Л.4; Ф. 1562. Оп.324. Д. 3606. Л. 26.
- ⁶⁸ Суслов И.Ф. Динамика эффективности общественного производства в сельском хозяйстве// Эффективность сельскохозяйственного производства. М., 1967. С. 28-29.
- ⁶⁹ Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 67.
- ⁷⁰ Рассчитано по: Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1988. С. 9, 443, 451, 463.
- ⁷¹ Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А – 374. Оп.31. Д. 8254. Л.1; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. М., 1976. С. 149, 274, 283; Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1981. С. 23-28.
- ⁷² Труд в СССР. Стат. сб. М., 1988. С. 76.
- ⁷³ Народное хозяйство РСФСР в 1984 г. М., 1985. С. 125.
- ⁷⁴ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп.80. Д. 63(а). Л. 50,52, 54, 56, 63.
- ⁷⁵ Белянов В.А. Указ. соч. С. 59.
- ⁷⁶ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 253. Л. 3-45; Д. 3752. Л. 24-26 (по видовой оценке урожая); ГАРФ. Ф. А-374. Оп.31. Д. 8254. Л.1; Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1981. С. 23-28. Данные за 1976 г. по хозяйствам населения.
- ⁷⁷ Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Совхозы СССР. Краткий исторический очерк. М., 1976. С. 94.
- ⁷⁸ Рассчитано по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 1074. Л. 104.
- ⁷⁹ Рассчитано по: Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950-1965 гг. С. 218.
- ⁸⁰ РГАЭ. Ф. 650. Оп.1. Д. 1650. Л. 180.
- ⁸¹ Шанин Т. Определяя крестьянство. Очерки касательно сельских обществ, эксплоярных форм экономики и выводы из них для современного мира. Оксфорд, 1990. М. 23-24.
- ⁸² См. например, выступление И.Е. Зеленина на теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития» //Отечественная история. 1994. № 2.
- ⁸³ Ильиных В.А. Тенденции и этапы процесса раскрестьянивания в Сибири в советский период (к постановке вопроса)// http://www.philosophy.nsc.ru/life/journals/humscience/2_98/08_ILIN.HTM. С.2
- ⁸⁴ См. подробнее: Безнин М.А. Раскрестьянивание России //Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 1. Вологда, 1992. С.103 – 110.
- ⁸⁵ Рассчитано по: Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 8-9; Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. М., 1996.

С. 16; Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1966. С. 11; РСФСР за 50 лет. Статистический сборник. М., 1967. С. 131; Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. Статистический ежегодник. М., 1971. С. 337.

⁸⁶ См. подробнее: Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. №3. С. 86.

⁸⁷ Белянов В.А. Указ.соч. С. 122; Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950-1965 гг. С. 111.

⁸⁸ Островский В.Б. Указ. соч. С. 81; Белянов В.А. Указ. соч. С. 43.

⁸⁹ Белянов В.А. Указ. соч. С. 78.

⁹⁰ Совокупный доход семей колхозников и его распределение. Статистические материалы. Приложению к бюллетеню ЦСУ РСФСР № 1. М., 1962. С. 15; Бюджеты семей рабочих, служащих и колхозников за 1980, 1985-1988 гг. М., 1989. С. 205.

⁹¹ Бюджеты рабочих, служащих и колхозников за 1970, 1975 – 1979 гг. М., 1980. С. 100.

⁹² Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР. Статистический сборник. М., 1957. С. 131 – 132; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. Статистический ежегодник. М., 1976. С. 166 – 167.

⁹³ Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950-1965 гг. С. 86 –90; Гулин К.А. Материальное положение колхозного крестьянства на Европейском Севере России в 1965 – 1985 гг. Дисс....канд. ист. наук. Вологда, 1999. С. 172 –173.

⁹⁴ Численность скота в РСФСР. Статистический сборник. М., 1961. С. 174; РГАЭ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1650. Л. 18.

⁹⁵ История крестьянства СССР. Т.4. С. 296; Староверов В.И. Советская деревня на этапе развитого социализма. М., 1976. С. 14.

⁹⁶ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 280; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 6. М., 1973. С. 27, 28.

⁹⁷ Островский В.Б. Указ. соч. С. 163; Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. М., 1971. С. 289, 294; Сельское хозяйство СССР. М., 1981. С. 345; 369.

⁹⁸ См. подробнее: Безнин М.А., Димони Т.М. Зажиточное крестьянство России во второй половине XX века // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 5-15.

⁹⁹ Безнин М. А. Материальное положение рабочих и колхозников. 1950 – 1965 гг. Вологда, 1989. С. 23.